

Платоник [псевд.] Об изучении жизни и трудов и чествовании памяти Платона [Левшина], митрополита Московского (К столетию со дня кончины, 11 ноября 1912 г.) // Богословский вестник 1912. Т. 2. № 5. С. 198–226 (2-я пагин.).

Объ изученіи жизни и трудовъ и чествованіи памяти Платона, митрополита Московскаго.

(Къ столѣтію со дня кончины, 11 ноября 1912 года).

„Къ нему можно отнести слова св. апостола Павла: хотя у васъ и тысячи наставниковъ, но немного отцевъ. Дѣйствительно отцевъ, какъ онъ, у насъ было немного“... (Архіеп. Амвросій).

Русское общество усиленно готовится праздновать столѣтнюю годовщину Отечественной войны. Наканунъ чрезвычайнаго національнаго праздника идетъ дѣятельная работа по собранію и разработкѣ матеріаловъ для изученія и характеристики незабвеннаго въ исторіи государственной жизни русскаго общества момента—необычнаго и побѣдоноснаго напряженія и проявленія національно-патріотическаго духа. Но годъ Отечественной войны знаменателенъ для русскаго общества и въ другомъ отношеніи; въ дни національнаго горя; надъ развалинами сожженной и плѣненной столицы, русское общество понесло тяжелую утрату въ области своей церковной жизни: 11 ноября, въ два часа дня, скончался выдающійся носитель его *національно-церковнаго* духа,—Платонъ, митрополитъ Московскій. Знаменательнѣйшая національно-политическая юбилейная годовщина совпадаетъ, такимъ образомъ, съ чрезвычайною національно-церковною: память о славномъ подвигѣ русскаго національно-патріотическаго духа—съ памятью о знаменитомъ подвижникѣ русскаго національно-церковнаго духа. Двѣ памяти двухъ различныхъ порядковъ жизни, но одна не имѣетъ права заслонять собою другую... Еще надъ самымъ гробомъ незабвеннаго іерарха въ день погребенія (16 ноября) въ Троицкомъ Соборѣ Сергіевой Лавры эта истина была завѣщана русскому обществу

устами одного изъ церковныхъ витій, — архимандрита Евгенія, впоследствии архіепископа Ярославскаго.

„Церковь и Отечество, — говорилъ онъ, — сообщая другъ другу везапныя горести, сокрушаются сердцемъ, озирая развалины прекрасной столицы, и видя во гробъ безпримѣрнаго ея Іерарха; тамъ святыню поруганную, здѣсь Блюстителя святыни бездыханнаго; тамъ храмы безмолвные, здѣсь истину безгласную; тамъ овцы распуганныя, здѣсь Пастыря неподвижнаго.

„Раздираясь двумя драгоценными потерями, они недоумѣютъ, кого прежде оплакивать: градъ ли толикими вѣками воздвигнутый, откуда почерпали милліоны семействъ благоденствіе; или генія, въ столѣтіяхъ рѣдкаго, милліоны душъ къ небесному граду руководившаго? Столицу ли, вѣчаніемъ Монарховъ порфириносноую, или Первосвященника, помазаніемъ Владыкъ знаменитаго?

„Такъ мы — человѣки, и не можемъ смотрѣть равнодушно, когда основа земного счастья расторгается: но мы — христіане, и можемъ ли не содрататься во глубинѣ души, когда опоры Церкви, въ душахъ христіанскихъ духовно зиждимой, отъемлются грознымъ правосудіемъ? Правда, больно лишиться имущества, праведно пріобрѣтеннаго, лишиться друзей, единственнаго утѣшенія въ горести, лишиться дѣтей, надежной поддержки въ старости; словомъ, лишиться способовъ къ достаточному и пріятному жизни проведенію; но тотъ терпитъ гораздо болѣе, кто лишень способовъ пресвѣтитъ умъ, удобрить сердце, возвысить душу къ небесному благу. Сколько духъ выше тѣла, сколько вѣчность превосходитъ тѣлности: столько драгоценнѣе утрата зиждителей духовнаго совершенства, нежели строителей тѣлеснаго благоденствія.

„Притомъ самое земное счастье зависить отъ совершенства духовнаго. Не мудрость ли созываетъ дикихъ? не витійство ли умягчаетъ ихъ нравы? не дружелюбіе ли связуетъ общество? не правосудіе ли укрѣпляетъ, не прозорливость ли и дѣятельность творить безопасными и веси, и грады, и области? И если самое лукавство міра, пріемля ангельскія свойства, подъ ихъ знаменемъ, хотя на время, но весьма далеко расширяется и возвышается: то удивительно ли, что истинныя доблести и заслуги еще здѣсь на землѣ освѣщаются зарею той невечерней славы, которая ихъ по смерти ожидаетъ“ ¹⁾.

1) „Слово при погребеніи, высокопреосвященнѣйшаго Платона, митро-

Слова краснорѣчиваго витія необходимо напомнить современному русскому обществу *mutatis mutandis*: въ минуту національнаго праздника да не забудетъ оно памяти великаго іерарха отечественной церкви! Година національнаго праздника да будетъ и годиной торжественнаго поминовенія, изученія и освѣщенія личности и трудовъ митрополита Платона!

Непосредственное общее впечатлѣніе, оставленное м. Платономъ въ сознаніи русскаго общества, прекрасно выражено въ надгробномъ словѣ архимандрита Евгенія.

„Не стало Платона! Закатилось свѣтило, столько лѣта полнощный край освѣщавшее и свою зарю проникшее во всѣ страны Европы! Закатилось свѣтило, Вѣнценосцамъ Россійскимъ толико любезное, и нерѣдко въ исполнискомъ ихъ шествіи предходившее! Закатилось свѣтило Церкви, слава нашего вѣка, удивленіе потомства, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе народа!.. Великій духъ его не способенъ былъ пресмыкаться; ласкательство сильными земли, потворство предразсудкамъ и суевѣріямъ, личность и своекорыстіе въ раздѣленіи должностей и отличій были ниже высокой души его. Въ слухъ всея вселенныя вѣщаль онъ строгія истины могущимъ міра; не раздражая изувѣрства, стойкимъ благоразуміемъ умѣлъ онъ привести въ безсиліе закоренѣлыя буйства черни, въ границы — державшихъ возжечь огонь чуждый на алтарь Господень, въ презрѣніе подлюю уничижительность изверговъ Духовенства, и дать достойное уваженіе достойному Священству; не подвергаясь нареканіямъ жестокости, онъ уничтожилъ неправедное милосердіе — недостойныхъ сиротъ предпочитать достоинству и заслугамъ, и, поставивъ въ виду награду, одушевилъ просвѣщеніе и дѣятельность. Вотще злорѣчіе избрѣтало тысячу изворотовъ, дабы обезсилить его непремѣнныя правила. Скоро увидѣли, что не угожденіемъ міру онъ восходить къ славѣ; но мудрою неусыпностью и постоянною равностью, назидая славу Церкви и благоденствіе чадъ ея, столько прибрѣлъ провозвѣстниковъ его славы,

полита Московскаго и Коломенскаго, говоренное въ Свято-Троицкой Сергіе-Лаврской Семинаріи ректоромъ, Лужицкаго монастыря архимандритомъ Евгеніемъ, декабря 16 дня, 1812 года“. Москва, 1813 г., стр. 4—5; то же въ книгѣ Снегирева „Жизнь Платона митрополита Московскаго“. Изд. 4-е. М. 1891, стр. 184—185.

сколько открылъ путей другимъ къ славѣ. Онъ не расточалъ ежедневныхъ милостей, дабы держать сердца въ порабощеніи; но поставлялъ бессильныхъ въ возможность дѣйствовать, и собственными силами, то есть человѣчески, пріобрѣтать счастье.—Иные долгою жизнію пріобрѣли уваженіе, онъ задолго до старости заслужилъ и благоволеніе Монарховъ и почтеніе Двора, и любовь народную, и уваженіе подчиненныхъ, не поддѣлываясь подъ всѣ вкусы, но примѣру двоедушныхъ, но истинными достоинствами и заслугами дѣлая себя всѣмъ полезнымъ и любезнымъ. Кажется, онъ не пріобрѣталъ славы; но родился со славою. Какія ни проходилъ степени; не онъ мѣстомъ, но мѣсто имъ украшалось и возвышалось, ибо всѣ дары, кои въ раздѣльности доставляютъ многимъ славу, онъ имѣлъ совою и въ высочайшей степени. Отъ наружности до внутренности, отъ простѣйшихъ до высочайшихъ талантовъ, все въ немъ было образцовое. Въ тѣлѣ статность съ гибкостью, въ лицѣ красота съ важностью, въ улыбкѣ пріятность съ цѣломудріемъ, во взорахъ провидательность съ довѣріемъ; голосъ нѣжный, но мужественный, грудь твердая, произношеніе свѣтлое; а рѣчь его—это Златоустъ Россійскій... Самые его выговоры въ грозныхъ выраженіяхъ всегда вдыхали какую то надежду прощенія... Кого не плѣнялъ онъ важностью и благолѣпіемъ священнодѣйствія? Не жалѣли ни труда, ни изживенія принимать дальній путь, чтобы видѣть Платона въ служеніи... Вотъ способы, кои употребило Провидѣніе, дабы превосходный духъ его тѣмъ удобнѣе переливался въ умы и сердца современниковъ. Каждый взоръ его, каждое слово столь рѣзко впечатлѣвались въ слушателяхъ, что пускали корни глубокаго размышленія.—Не говорю о его богатомъ просвѣщеніи и мудрости, могущихъ быть украшеніемъ издавна просвѣщенныхъ народовъ. Не говорю о неподражаемомъ искусствѣ высокія истины Богословія приспособлять къ простѣйшимъ понятіямъ. Не говорю о глубокомъ и основательномъ знавнн Св. Писанія, его первѣйшей страсти и обличіи. Безсмертныя творенія безсмертнаго проповѣдника суть неопѣванный памятникъ и пріятнѣйшее училище истины и добродѣтели.—Прочія души его качества столь же просты, сколько и неподражаемы. Будучи добросердеченъ и откровененъ, любилъ слушать совѣты другихъ; но будучи полонъ совѣта и ра-

зума, рѣдко могъ имъ послѣдовать. Будучи зорокъ и про-
вицательнъ, онъ не опровергалъ многорѣчиво лукавья хитро-
сплетенія; но ударяя въ самый корень страсти, обезоруживалъ и приводилъ въ ужасъ коварство. Соединяя вкусъ и
остроту ума и твердость духа, а паче ревнуя по славъ Бо-
жіей Ильиной ревностию, поражалъ всеародно гордость и
буйство въ краткихъ словахъ, что послѣ взоръ его былъ
назидательнѣе длинныхъ поученій.—Будучи по природѣ и
по разсудку страстенъ къ дѣятельности, а по сему и стре-
мителевъ, не терпѣлъ малѣйшаго закоснѣнія, когда оно ис-
текало отъ нерадѣнія: напротивъ, съ глубочайшимъ молча-
ніемъ выдерживалъ самое несносное медленіе, когда оно про-
исходило отъ необходимости. Словомъ: во всѣхъ его словахъ
и поступкахъ являлся духъ прямо *владычій* (Псал. L, 14),
и созидательный, такъ что часто видимая забывчивость и непри-
мѣчательность были плодомъ добродушнаго благоразумія и будто
недуманнаго свисхожденія... Самое злорѣчіе, внимательное къ
однимъ порокамъ и слабостямъ, ища пятенъ въ его умѣ и
сердцѣ, впрочемъ признается торжественно, что онъ имѣлъ
добродѣтели неподражаемыя и былъ солнце своего времени“¹⁾.

Черезъ десять лѣтъ по кончинѣ м. Платона непосредствен-
ныя впечатлѣнія современниковъ о немъ были болѣе полно
записаны въ формѣ цѣльной біографіи—„житія“—Ив. М. Сне-
гиревымъ, сдѣлавшимъ это какъ по личному чувству „при-
знательности и благоговѣнія“ къ Платону, такъ и въ виду
выраженнаго августѣйшей ученицей Платона, его духовной
дочерью, императрицей Маріей Теодоровной желанія читать
его біографію. Въсѣтъ съ тѣмъ трудъ Снегирева, трижды
имъ исправлявшійся и дополненный (въ 1837 и 1856 и 1891 г.г.),
былъ первой попыткой собранія и изученія и отчасти изда-
нія матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности
м. Платона²⁾. Дѣло, начатое Снегиревымъ, было продолжено,
но все же до нашихъ дней далеко не выполнено.

¹⁾ „Слово“... стр. 6—9.

²⁾ До перваго изданія книги Снегирева литература о м. Платонѣ ис-
черпывалась краткими извѣстіями въ „Словарѣ Духовныхъ Писателей“
м. Евгенія, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Сынѣ Отечества“ (см. Сне-
гирева „Жизнь“, стр. IV-V*). Между выходомъ второго и третьяго изданій
появился въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1841 г. путевыя записки (м. Платона)
о путешествіи въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Влади-
миръ, и два письма къ Тургеневу; въ 1844 г. вышли очень цѣнныя для

Въ 1849 году Погодинъ напечаталъ въ „Москвитяинѣ“ „автобіографію“ м. Платона, хранящуюся въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, однако безъ конца. Въ 1856 году полностью ее издалъ Снегиревъ въ приложеніи къ 3 изданію своего „Житія“ м. Платона. Болѣе исправно и съ примѣчаніями она была перепздана прот. С. К. Смирновымъ въ „Душеполезномъ Читаніи“ и отдѣльно.

1859 г. въ книгѣ Чаредѣева „Біографіи тверскихъ іерарховъ“ помѣщается біографія м. Платона (стр. 128—135).

Въ 1855 году прот. С. К. Смирновъ, тогда еще бакалавръ Московской Духовной Академіи, издаетъ изслѣдованіе — „Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи“, въ которомъ цѣлую треть (стр. 255—395) посвящаетъ обзорнью состоянія Академіи подъ непосредственнымъ управленіемъ м. Платона; а въ 1867-мъ — „Исторію Троицкой Лаврской Семинаріи“, гдѣ три четверти изслѣдованія (стр. 112—561) посвящены обзорнью состоянія семинаріи подъ непосредственнымъ руководствомъ м. Платона.

Въ 1870 году Н. Розановъ выпускаетъ обширную (I—XIII; 1—281 и примѣч. стр. 1—188) первую книгу третьей части своей „Исторіи Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія Св. Синода“, всю посвященную состоянію Московской (а также Калужской) епархіи подъ управленіемъ м. Платона.

Въ томъ же году прот. С. К. Смирновъ издаетъ „Письма м. Платона къ преосвященнымъ Амвросію и Августину“.

Въ 1875 году П. С. Казанскій въ „Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Росс.“ (кн. IV) освѣщаетъ отношеніе м. Платона къ императрицѣ Екатеринѣ II и императору Павлу по автобіографіи Платона и письмамъ императора Павла.

Въ томъ же году проф. П. В. Знаменскій въ „Чтеніяхъ изъ исторіи Русской Церкви за время царствованія Екатерины II“ (Правосл. Собес. 1875 г. ч. I и II) впервые вводитъ личность м. Платона въ общую исторію русской церкви.

Въ 1877 году въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ изданы извлеченія изъ писемъ м. Платона къ преосвящ. Меодію, хранящихся въ бібліотекѣ Впчанской семинаріи.

біографіи м. Платона „Семена Полюшина записки, служація къ исторіи вел. кн. Павла Петровича. СПб.

Въ 1879 году Заведеевъ въ „Исторіи русскаго проповѣдничества отъ XVII вѣка до настоящаго времени“ дѣлаетъ первую попытку характеристики м. Платона, какъ проповѣдника и опредѣленія его мѣста въ исторіи русской проповѣди.

Въ 1880 году г. Корсаковъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (кн. II), въ статьѣ „Петръ Алексѣевъ, протоіерей Москов. Арханг. Собора“, даетъ нѣсколько интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о м. Платонѣ.

Въ 1881 году въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн. Росс. (ч. IV)“ печатается „дневникъ занятій м. Платона съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ 1763—1765 г.г.“

Въ 1883 году появляется изслѣдованіе Надеждина, специально посвященное обзорѣнію проповѣднической дѣятельности м. Платона,—„Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ“, Казань, 1883 (3—224 стр.).

Въ 1885 году въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи“ (кн. II, ч. 1) историкъ С. М. Соловьевъ въ статьѣ „Писатели Русской исторіи XVIII в.“ и проф. Голубевъ въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ, (Апрѣль) въ статьѣ „Начало систематической обработки русской церковной исторіи“ касаются и м. Платона, какъ автора „Краткой Росс. Церковной исторіи“. Въ 1889 г. С. К. Смирновъ издаетъ книгу „Спасо-Виѣанскій монастырь“ съ приложеніемъ нѣкоторыхъ писемъ Высочайшихъ особъ къ м. Платону по подлинникамъ, хранящимся въ Виѣанской семинаріи.

Въ 1895 году свящ. С. Д. Муретовъ издаетъ рядъ „писемъ м. Платона къ Высочайшимъ особамъ“, а въ 1897 году— „Описаніе рукописей бібліотеки Виѣанской духовной семинаріи, съ приложеніями“, въ число которыхъ входятъ неизданныя дотолѣ письма къ Платону императора Павла Петровича (числомъ 101, съ 1783 по 1799 годъ), императрицы Маріи Ѳеодоровны (числомъ 44, съ 1779 по 1806 годъ) и императора Александра Перваго (числомъ два) и затѣмъ часть поздравленій и привѣтствій, обращенныхъ къ м. Платону отъ учащихся и учащихся Виѣанской и Троицкой семинарій. Здѣсь же указаны всѣ изданія писемъ къ м. Платону и отъ него, хранящихся въ бібл. Виѣанской Духовной Семинаріи ¹⁾.

¹⁾ Къ этому указателю слѣдуетъ добавить: привѣтственное письмо м. Платона императору Александру Первому по востшествіи на престоль, из-

Въ 1895 жѣ году прот. А. А. Бѣляевъ касается научно-исторической дѣятельности м. Платона и печатаетъ „Отзывы современниковъ о церковной россійской исторіи м. Платона“ („Богословскій Вѣстникъ“, іюль). Начиная съ того же года, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тотъ же досточтимый прот. А. А. Бѣляевъ, бывшій преподаватель и ректоръ основанной м. Платономъ Виѣанской семинаріи, ревностный читатель священной памяти великаго іерарха, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ печатаетъ рядъ интереснѣйшихъ статей, посвященныхъ отношеніямъ м. Платона къ Виѣанской семинаріи: 1. „Митрополитъ Платонъ въ отношеніяхъ къ Виѣанской семинаріи“ (1897 г.); 2. „18 ноября въ Виѣанской Духовной Семинаріи при м. Платонѣ“ (1897 г.); 3. „Хозяйственная дѣятельность м. Платона“ (къ 11 ноября 1899 г.); 4. „Хозяйственная дѣятельность м. Платона“ (къ столѣтію со времени открытія семинаріи въ Виѣанѣ 6 августа 1800—1900 г.); 5. „Изъ исторіи старой духовной школы“ (1899 г.); 6. „Столѣтіе одного изъ памятниковъ просвѣтительной дѣятельности м. Платона“. (Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ 26 сентября, въ день столѣтняго юбилея Виѣанской семинаріи 1900 г.)²⁾.

Въ 1900 году въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ В. Нечаевъ разсматриваетъ „увѣщаніе Платона, митрополита Московскаго, какъ предвѣстника единовѣрія“, а въ 1903 году тотъ же авторъ помѣщаетъ въ томъ же журналѣ (іюль—августъ) статью: „Платонъ, м. Московскій, въ его отношеніяхъ къ единовѣрію“.

Въ 1903 г. въ ж. „Христіанское Чтеніе“ г. Карташевъ въ „краткомъ историко-критическомъ очеркѣ систематической обработки Русской церковной исторіи даетъ научную характеристику и оцѣнку „Краткой Россійской церковной исторіи м. Платона.“

давное прот. Жмакинымъ въ Хр. Чт. 1903 г. (ч. I) въ статьѣ „Привѣтствія русскихъ архипастырей воцарившемуся Александру I“ (стр. 137), и отношеніе Моск. Университета по случаю полученія экземпляра „Кратк. Росс. Ц. Исторіи“, приведенное Виноградовымъ въ „Христіанинъ“ (1907 г. № 11 „Забытый трудъ“).

²⁾ Въ томъ же году появились: популярнаго характера брошюра „Жизнь Платова, м. Московскаго“, и стихотвореніе (съ примѣчаніями) И. Ливацкаго „м. Платонъ“ (Душеп. Чт., и отдѣльно).

Въ 1905 году В. Виноградовъ въ журналѣ „Московскія Церковныя Вѣдомости“ помѣщаетъ замѣтку „Дѣло изданія Краткой Всероссійской Исторіи м. Платона по письмамъ его къ епископу Августину“ (№ 45), въ слѣдующемъ году— статью „Платонъ, митрополитъ Московскій, за церковно-исторической работой (по даннымъ изслѣдованія рукописи автографа „Исторіи“, хранящейся въ библиотекѣ Виѣанской Духовной Семинаріи)“, въ 1907 году въ ж. Христіанинъ“ (№ 11)—„Забытый трудъ незабвеннаго іерарха (черты личности и міровоззрѣнія м. Платона въ его Краткой Россійской Церковной Исторіи)“.

Въ 1906 году выходитъ солидное изслѣдованіе Лысогорскаго, специально посвященное противораскольнической дѣятельности м. Платона: „Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольническій дѣятель“ (Ростовъ на Дону“, стр. 1—656), а черезъ годъ—критико-библиографическій очеркъ о немъ проф. И. М. Громогласова—„Новое изслѣдованіе о московскомъ митрополитѣ Платонѣ“¹⁾.

Указанными сейчасъ изданіями и изслѣдованіями въ значительной мѣрѣ освѣщены различныя стороны личности и жизнедѣятельности м. Платона. Но остается еще многое сдѣлать въ этомъ отношеніи.

Издана не вся переписка м. Платона, хранящаяся въ библиотекѣ Виѣанской Дух. Семинаріи.

Доселѣ еще не собраны и не изданы резолюціи м. Платона, хранящіяся въ архивахъ Тверской и Московской духовныхъ консисторій. Не описаны дѣла архивовъ Св. Синода, Московской Синодальной Конторы, Московской Синодальной Типографіи, связанные съ личностію м. Платона. Но безъ спеціальнаго собранія и изслѣдованія этихъ документовъ невозможна полная характеристика личности и архипастырской жизнедѣятельности м. Платона. Часть этихъ документовъ, относящаяся къ противораскольнической дѣятельности м. Платона, обследована и изложена отчасти въ упомянутомъ уже изслѣдованіи Н. В. Лысогорскаго. Но какъ было отмѣчено учеными рецензентами этого изслѣдова-

¹⁾ Попутно личность м. Платона затрогивается и въ другихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ здѣсь отмѣтимъ: Записки С. П. Жихарева, изд. Русск. Архива; Дневникъ А. В. Храповицкаго, М. 1901; Лонгинова „Новиковъ и московскіе маринисты“ М. 1867.

нія¹⁾, его авторомъ все же были просмотрѣны не всѣ дѣла, относящіяся къ противораскольнической дѣятельности м. Платона. Съ дѣлами и резолюціями м. Платона по управленію Московской епархіей, хранящимися въ архивѣ Московской Консисторіи, знакомить историкъ Московскаго епархіальнаго управленія Розановъ, но далеко не со всѣми, и притомъ большей частью очень кратко.

Наряду съ резолюціями довольно важный матеріалъ для характеристики личности м. Платона представляютъ книги и рукописи, принадлежавшія или бывшія въ распоряженіи м. Платона и носящія на себѣ его учено-литературныя замѣтки. Библіотека м. Платона, согласно его завѣщанію, полностью передана въ Виѣанскую семинарію, но доселѣ еще не описана въ полномъ объемѣ; лишь рукописная ея часть описана свящ. Муретовымъ, при чемъ приведены и самыя пометки, сдѣланныя на рукописяхъ м. Платономъ. Въ библіотекахъ Московской Духовной Академіи, Троице-Сергіевой Лавры, Синодальной и др. находятся рукописи, бывшія въ распоряженіи м. Платона и носящія критическія замѣчанія, сдѣланныя его рукою; замѣчанія эти иногда приводятся въ печатныхъ описаніяхъ этихъ библіотекъ²⁾, но было бы важно собрать ихъ всѣ вмѣстѣ³⁾.

Изъ напечатаннаго литературнаго наслѣдія м. Платона остаются еще вовсе незатронутыми спеціальными изслѣдованіями труды по систематическому богословію и историческіе. Къ перваго рода трудамъ принадлежитъ вышедшее въ 1755 г. „Православное ученіе, или Сокращенная Христіанская Богословія“ (съ прибавленіемъ молитвъ и разсужденія о Мелхиседекѣ), съ построенными на его основѣ тремя катехизисами: „сокращеннымъ“—для священнослужителей, съ приложеніемъ мѣстъ изъ Слова Божія, правилъ Св. Апо-

1) Журналы Совѣта Кіевской Академіи за 1905—1906 г.; ср. Громоглазовъ „Новое изслѣдованіе“, стр. 16—17.

2) См., наприм., архимандрита Леонида „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г., нынѣ находящихя въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, выпускъ I, стр. 124; вып. II, стр. 19, 180, 251, 256, 352—353.

3) Снегиревъ видѣлъ славянскую біблію исписанную примѣчаніями Платона (Жизнь, ч. II, стр. 97). Весьма желательно было бы эту біблію отыскать.

столь и Св. Отець, Духовнаго Регламента и Присягъ (М. 1775), другимъ „сокращеннымъ“—для обученія отроковъ, съ присовокупленіемъ Молитвъ и Христіанскаго Нравоученія, и „краткимъ“—для обученія малолѣтнихъ дѣтей Христіанскому закону (М. 1775). Обслѣдованіе этихъ трудовъ представляетъ интересъ съ двухъ точекъ зрѣнія. С. К. Смирновъ называетъ „богословію Платона „первымъ опытомъ рѣшительнаго изгнанія изъ системы богословской пріемовъ схоластическихъ“¹⁾. Съ другой стороны, труды Платона въ этой области вызывали обвиненіе въ причастности протестантскому духу. Особенно любопытно здѣсь то, что протестанты встрѣтили переводъ богословія и катехизиса Платона большимъ сочувствіемъ и даже прямо указывали на личность будто бы близости воззрѣній Платона съ ихъ собственными. „Одинъ ученый англичанинъ, сообщаетъ Снегиревъ, помѣстивъ (въ *Anecdotes of the Russian Empire. Lond. 1784*) сокращеніе его катехизиса, говоритъ, что „онъ во многихъ мѣстахъ не только дышетъ благороднымъ и благочестивымъ духомъ, но сочиненъ съ великой „простотою языка и изложенія“. „При томъ замѣчаетъ, что въ 1-й части онаго не упомянуто о первородномъ грѣхѣ. *Evangelical magazine, 1815 г.* (о переводѣ Пинкертономъ на англійскій языкъ Платонова православнаго ученія), пишетъ, что „сія книга содержитъ въ себѣ изыщнѣйшее изложеніе богословскихъ понятій Греко-Россійской Церкви“. Бакмейстеръ (*Russ. Bibliothek. 1. B. 2 St. Sept. 1772*) при разсмотрѣніи нѣмецкаго перевода сего сочиненія, заключаетъ, что „оно составляетъ эпоху для Церковной Исторіи и будто изложенное въ немъ ученіе болѣе отдѣлено отъ Римско-Католической, нежели отъ Лютеранской церкви и даже во многомъ согласно съ послѣднимъ“²⁾. Самъ Платонъ въ Автобіографіи сообщаетъ, что мать принцессы Гессенъ-Дармштатдской, нареченной Наталіей Алексѣвной, при принятіи послѣдней православія для бракосочетанія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ „требовала отъ императрицы (Екатерины), чтобы ея дочери никто учителемъ (Закона Божія) не былъ определенъ, кромѣ Платона; ибо какъ она же ему сказывала, что

¹⁾ „Исторія Тр.-Лавр. Семинаріи“, стр. 89—90.

²⁾ Снегиревъ. „Жизнь“, ч. II, стр. 89—90.

она читала на нѣмецкомъ языкѣ сочиненную имъ Богословію, которая ей очень понравилась“¹⁾. Снегиревъ, приведя отзывы протестантскихъ ученыхъ о богословіи Платона, замѣчаетъ: „предоставляемъ отечественнымъ богословамъ рѣшить ея мнѣнія иностранныхъ ученыхъ“²⁾. Къ столѣтней годовщинѣ м. Платона пора бы разобраться въ задачѣ, сознанной и поставленной еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и выяснитъ степень основательности представленнаго обвиненія. При выполненіи этой задачи необходимо принять во вниманіе, что то же обвиненіе въ протестантствѣ навлекъ на себя и славный ученикъ Платона— м. Филаретъ первымъ изданіемъ своего „Катихизиса“, сдѣланнымъ въ начальную пору жизни послѣдняго, когда онъ, навѣрное, находился подъ вліяніемъ Платона; было бы очень важно сравнить богословское міросозерцаніе Платона, высказанное въ „Богословіи“ и „Катихизисахъ“ (а равно и въ другихъ трудахъ) съ таковымъ же м. Филарета, выраженнымъ въ литературныхъ трудахъ послѣдняго (особенно послѣ „Катихизиса“ въ „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ“... начальной поры его жизни и дѣятельности.—Въ связи съ указанными богословскими трудами м. Платона слѣдовало бы освѣтить вопросъ о принадлежности Платону приписываемыхъ ему примѣчаній на книгу г-на Дютенса о Греко-Россійской Церкви (1793 г.) и „примѣчаній на энциклопедическіе вопросы г-на Волтера“.

Въ области исторической науки м. Платонъ знаменитъ, какъ ученый труженикъ, давшій въ своей двухтомной „Краткой Россійской Церковной Исторіи“ „первый опытъ систематической разработки русской церковной исторіи“; по взгляду проф. П. В. Знаменскаго—трудъ, рѣдкій по талантливости, полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики³⁾, по мнѣнію С. М. Соловьева—трудъ запечатлѣнный печатью могучаго юнаго таланта⁴⁾. обстоятельный разборъ этого труда, вышедшаго въ 1805 г. и переизданнаго съ характерными измѣненіями, сенкціонированными м. Филаре-

1) Стр. 39—40.

2) Снегиревъ, „Жизнь“, ч. II, Изд. 1831 г. стр. 96.

3) Карташевъ, „Кратк. истор.-крит. очеркъ“. Хр. Чтен. 1903, ч. I, стр. 912.

4) „Писатели русской исторіи“, Архивъ ист.-юрид. свѣд., кн. II, ч. I, стр. 80. М. 1855 г.

томъ, въ 1823 и 1829 годахъ ¹⁾, дасть бы очень много цѣнныхъ данныхъ для характеристики м. Платона, какъ ученаго, а также вообще для характеристики его нравственной личности и міровоззрѣнія ²⁾. Въ связи съ этимъ главнымъ историческимъ трудомъ стоятъ еще: „путешествіе высокопреосвященнѣйшаго Платона, м. Московскаго, въ Кіевъ и по другимъ городамъ въ 1804 г., собственною рукою съ замѣчаніями его писанное“ (Спб. 1818) ³⁾ и „путевыя записки о путешествіи въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому и Владимірѣ 1792 г.“ ⁴⁾ (Кромѣ Русск. Вѣстника 1841 г., напечатаны при четвертомъ изданіи кн. Снегирева „Жизнь“) ⁵⁾.

Интересно было бы также обслѣдовать принадлежащіе м.

¹⁾ См. арх. Саввы „Собраніе мѣній и отзывовъ м. Филарета“ т. II, № 160. Наиболее характерное измѣненіе—исключеніе соображеній м Платона прогивъ предавія о путешествіи ап. Андрея на Русь. Ср. Е. Е. Голубинскій, „Ист. Р. Церкви“, т. I, ч. I, стр. 18—34, М. 1901 г.

²⁾ Ср. Виноградовъ „Забытый трудъ“. Христіанствъ, № 11. На характеръ научно-историческихъ трудовъ м. Платона косвенно бросаютъ сильный свѣтъ работы, касающіяся младшаго современника м. Платона, Евгенія, митрополита Кіевскаго: Шмурло „м. Евгеній, какъ ученый (СПб. 1888); и Полегаевъ „Труды м. Евгенія по исторіи русской церкви (Казань 1889).

³⁾ См. Виноградова „М. Платонъ за церковно-исторической работой“. Душ. Чт., 1906 г., ч. III, стр. 620—621. Записки эти, по сообщенію Снегирева, Платонъ желалъ было издать при жизни своей, но не успѣлъ, потомучто не захотѣлъ опустить и перемѣнить нѣкоторыя выраженія о вѣротерпимости и злоупотребленіяхъ мѣстнаго начальства, показавшіяся непереносимыми тогдашней цензурѣ. „Жизнь“, стр. 18.

⁴⁾ Снегиревъ приписываетъ Платону: житія и акаѣсты преп. Сергію и князю Даидилу и „краткое историческое описаніе св. Троицкой Сергіевой Лавры. Но акаѣсты (два) преп. Сергію м. Платономъ лишь исправлены и представлены въ св. Синодъ для разрѣшенія къ печати (объ этомъ см. А. Попова „Православные русскіе акаѣсты“ стр. 105—109. Казань 1903 г.); а „описаніе“ Е. Е. Голубинскимъ (см. „Преп. Сергія Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“ стр. 108. Сергіевъ Посадъ 1892 г.) приписывается Павлу архіеп. Ярославскому. Ср. Снегиревъ, Жизнь стр. 101.

⁵⁾ Среди рукописей Внѣанской бібліотеки подъ № 2426 находится „Разсужденіе о крестовыхъ походахъ“. Изъ собственноручной надписи м. Платона на рукописи „Путешествія“: „путешествіе и разсужденіе о крестовыхъ походахъ, хранитъ въ библіотекѣ Внѣанской и со временемъ можно напечатать“ (Муретовъ. Описаніе стр. 43),—слѣдовало бы заключить, что и „разсужденіе“ принадлежитъ м. Платову. Изъ другихъ упражненій м. Платона въ области исторіи Снегиревъ упоминаетъ опытъ перевода ивъ Тацита, находившійся въ Перервнискій семинаріи. „Жизнь“, ч. II, стр. 101.

Платону переводы (числомъ восемь) съ греческаго святоотеческихъ поученій и 21 письмо Григорія Богослова ¹⁾.

Проповѣдническіе труды м. Платона, напечатанные въ 16 томахъ (I—V, X—XX) двадцатитомнаго собранія сочиненій 1779—1806 г.г. были предметомъ спеціального изслѣдованія г. Надеждина. Но самъ же авторъ заявляетъ, что онъ изслѣдовалъ не вполнѣ „тщательно“ и всесторонне. „Сознаемъ,—говоритъ онъ въ заключеніе изслѣдованія,—мы сказали далеко не все, что слѣдовало бы сказать о м. Платонѣ, какъ проповѣдникѣ; но кажется, довольно и сказаннаго чтобы имѣть хотя нѣкоторое представленіе объ этомъ знаменитомъ, но почти забытомъ въ духовной литературѣ проповѣдникѣ. Болѣе тщательное изслѣдованіе его проповѣднической дѣятельности укрѣпило бы насъ лишь въ той мысли, что онъ проповѣдникъ по призванію и представляетъ въ себѣ идеаль православнаго проповѣдника.. Своей задачей мы ставимъ лишь—уяснить то представленіе „знаменитаго проповѣдника“, которое связывается съ именемъ Платона. Ыстинимъ себя, однако, мысля, что настоящее изслѣдованіе не бесполезно, если не въ научномъ (историческомъ), то по крайней мѣрѣ въ отношеніи чисто практическаго руководства для нашихъ пастырей“ ²⁾. Говоря такъ, авторъ не умаляетъ своихъ заслугъ. Его книга, кромѣ интересно составленной біографіи м. Платона (стр. 3—53), содержитъ въ себѣ собственно отчасти пересказъ, отчасти буквальное воспроизведеніе содержанія проповѣдей Платона, по важнѣйшимъ затронутымъ въ нихъ вопросамъ, но въ ней почти отсутствуетъ историко-критическое освѣщеніе. Остались безъ спеціального обслѣдованія очень важныя и интересныя вопросы историко-генетическаго свойства, напримѣръ о степени зависимости Платона, какъ проповѣдника, отъ Теофана Прокоповича ³⁾, отъ представителей современной русской и западной проповѣди, среди которыхъ были Геденъ Криновскій, еп. Псковскій, Ди-

¹⁾ Помѣщены въ XVIII томѣ „собранія сочиненій м. Платона“, М. 1879 г. Кромѣ того не нужно забывать, что Платону принадлежит нѣсколько историческихъ надписей въ стѣнахъ Лавры и въ другнхъ мѣстахъ, а также приписывается вѣсколько стихотвореній. Снегиревъ, „Жизнь“, ч. II, стр. 101; ч. I, стр. 118—119; 121—124 и друг.

²⁾ Митроп. Московскій Платонъ, какъ проповѣдникъ, стр. 206—207.

³⁾ См. Снегиревъ „Жизнь“, стр. 96.

митрій Сѣченовъ, Гавріиль, м. Новгородскій¹⁾, а также святоотеческой; между тѣмъ самъ Платонъ свидѣтельствуемъ о вліяніи на него проповѣдей Гедеона Криновскаго, объ тщательномъ изученіи имъ твореній Златоуста, такъ и другихъ отцовъ²⁾ вмѣстѣ съ митрополитомъ Новгородскимъ издаетъ въ 1775 году сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни года для чтенія во всѣхъ церквахъ русскіихъ, въ которомъ помѣщаетъ рядъ святоотеческихъ твореній вмѣстѣ съ „произведеніями древнихъ и новыхъ сочинителей“³⁾; читаетъ западныхъ проповѣдниковъ⁴⁾. Не менѣе важенъ вопросъ о вліяніи м. Платона на послѣдующихъ представителей русскаго проповѣдничества, прошедшихъ его школу, среди которыхъ были знаменитый Филаретъ м. Московскій⁵⁾, Августинъ (Виноградскій) архіеп. Московскій, Меодій (Смирновъ) архіепископъ Пензенскій, Евгенийъ (Казанцевъ) архіеп. Ярославскій⁶⁾, Амвросій (Протасовъ), архіеп. Тверской. Проповѣди Платона, сказанныя въ положеніи придворнаго проповѣдника, требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, какъ въ ихъ отношеніи къ послѣдующимъ проповѣдямъ, такъ и съ точки зрѣнія ихъ мѣста въ исторіи русско-придворной проповѣди. Отношеніе проповѣдей Платона къ настроеніямъ и запросамъ времени въ книгѣ Надеждина въ сущности только отмѣчено эпизодически, но не охарактеризовано систематически-полно и критически, что могло бы дать цѣнный матеріалъ для характеристики личности и міровоззрѣнія м. Платона. Строеіе и вообще внѣшняя сторона проповѣдей м. Платона охарактеризована обще и неопредѣленно.

1) Ср. „Автобіографію“, изд. Смирнова, стр. 22—23.

2) Снегиревъ, Жизнь, ч. II, стр. 96.

3) „Собравіе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, на три части раздѣленное“. Сборникъ этотъ, какъ видно изъ предисловія, былъ предназначаемъ замѣнить собою спеціальныя сборники такъ называемыхъ „Уставныхъ Чтеній“, статьи которыхъ по своему содержанію и изложенію не всегда вполне подходили къ духовному состоянію русскаго челоуѣка второй половины XVIII вѣка. Изданія этого замѣчательнаго сборника указаны А. Родосскимъ въ „Свѣдѣніяхъ о нѣкоторыхъ рѣдкихъ экземплярахъ церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ бібліотекѣ Спб. Духовной Академіи“ (Христ. Чт., 1880, ч. II, стр. 409—410). Надеждинъ упоминаетъ указанный сборникъ, но къ сожалѣнію не сдѣлалъ разбора его состава.

4) См. Надеждинъ, стр. 22, 192—193. Снегиревъ, Жизнь, ч. II, стр. 95.

5) См. Снегиревъ, „Жизнь“, стр. 54—55, 62.

6) См. Смирнова, „Исторія Троицкаго Лаврской Семинаріи“, стр. 403.

Противораскольнической литературный трудъ м. Платона— „Увѣщаніе православно-каѳолическія восточныя Христовы Церкви бывшимъ своимъ чадамъ, нынѣ недугомъ раскола немощствующимъ“ (впервые изданное въ 1765 г.),—въ связи со всею противораскольническою дѣятельностью м. Платона основательно обследованъ въ книгѣ Н. В. Лысогорскаго „Увѣщаніе“, изданное отъ имени Св. Синода, „составило эпоху въ нашей противораскольнической полемикѣ. Въ лицѣ его эта полемика, на протяженіи ста лѣтъ весьма усердно, но далеко не въ той же степени успѣшно сокрушавшая старообрядчество „Кезломъ“, „Кощемъ“ и „Пращицею“, подвергавшая его „Розыску“, переходившему въ уголовно-обвинительный актъ, облекавшая самый „Увѣтъ“ и „Обличеніе неправды раскольнической“ въ форму крайне рѣзкихъ „жестокословныхъ порицаній“, впервые заговорила языкомъ кроткаго и снисходительнаго „Увѣщанія во утвержденіе истины и въ надежду дѣйствія любви евангельскія“. Содержаніе произведенія, вполне отвѣчавшее его названію, кореннымъ образомъ мѣняло всю постановку вѣковыхъ пререканій между несогласными въ обрядахъ, убѣдительно доказывая неумѣстность взаимнаго отчужденія тамъ, гдѣ сохраняется единство вѣрованій. Уже одно это обстоятельство, независимо отъ всего остального, придаетъ появленію небольшой книжки, вышедшей изъ—подъ пера Платона Левшина, значеніе большого событія въ исторіи попытокъ къ уврачеванію „немощствующихъ недугомъ раскола“. А между тѣмъ послѣдствія даннаго факта далеко не исчерпываются лишь перемѣною въ области теоретическихъ воззрѣній на старообрядчество. Официально неходившія отъ высшей церковной власти, мысли и сужденія „увѣщательной книжки“ неизбежно должны были не только опредѣлить общій тонъ постѣдующихъ сужденій о предметахъ обрядоваго разногласія, но и лечь въ основу практическихъ отношеній къ старообрядцамъ церковно-административныхъ дѣятелей, въ ряды которыхъ становится и самъ составитель замѣчательнаго трактата въ санѣ архимастыря сперва Тверскаго, а затѣмъ Московскаго. И отъ кого другого, какъ не отъ него же, всего естественнѣе ожидать наиболѣе разумнаго и цѣлесообразнаго соединенія въ своихъ мѣропріятіяхъ такъ ярко выставленнаго имъ принципа христіанской снисходи-

тельности къ долговременнымъ обрядовымъ навыкамъ съ пастырской заботой объ огражденіи малопроевѣщенныхъ православныхъ массъ отъ соблазновъ раскола? Церковно-административная противораскольническая дѣятельность Платона представляетъ, такимъ образомъ, особый, исключительный интересъ именно благодаря тому, что рѣчь идетъ объ авторѣ „Увѣщанія“. Если присоединить къ этому, что подъ несомнѣннымъ влияніемъ идей, раскрытыхъ въ названномъ произведеніи, возникло, или, по крайней мѣрѣ, усилилось въ старообрядчествѣ то движеніе къ воссоединенію съ православіемъ, которое привело къ учрежденію такъ называемаго „единовѣрія“, и что въ разработкѣ донинѣ дѣйствующихъ основаній этого послѣдняго первостепенная роль принадлежитъ тому же іерарху,—то станеть въ достаточной степени очевидно, что дѣятельность Платона въ отношеніи къ расколу, взятая во всемъ своемъ объемѣ, заслуживаетъ самаго серьезнаго и внимательнаго изученія“. Обширный трудъ Лысогорскаго представляетъ собою „первый опытъ ученаго изслѣдованія, обнимающаго все стороны противораскольнической дѣятельности м. Платона“¹⁾, но, по отзыву его ученаго рецензента „несомнѣнно, что это еще не послѣднее слово науки въ дѣлѣ выясненія и оцѣнки противораскольнической дѣятельности м. Платона. Сужденія о ней автора въ общемъ не достаточно объективны, и нерѣдко въ нихъ чувствуется перевѣсъ личной симпатіи надъ критическою внимательностью. Нѣкоторые отдѣлы... нуждались бы въ болѣе полномъ подборѣ матеріаловъ и въ болѣе серьезномъ научномъ ихъ освѣщеніи“²⁾.

Въ трудѣ Лысогорскаго затронута и обследована лишь одна и притомъ второстепенная отрасль разносторонней церковно административной дѣятельности м. Платона. Изъ остальныхъ проявленій этой дѣятельности, дѣйствія въ сферѣ тверскаго епархіальнаго управленія доселѣ вовсе не были предметомъ обследованія.—Тридцатисемилѣтняя дѣятельность въ сферѣ московскаго епархіальнаго управленія, пересоздавшая весь строй епархіальной жизни, составила предметъ общаго обзоренія въ „Исторіи московскаго епар-

1) Громогласовъ, стр. 5—6.

2) Громогласовъ, стр. 30; ср. стр. 8.

хіального управленія“ г. Розанова. Послѣдній трудъ—солидный и покоющійся на неизданныхъ рукописныхъ матеріалахъ. Но, во-первыхъ, касаясь періода дѣятельности м. Платона, онъ естественно изображаетъ спеціально не дѣятельность Платона, а общее состояніе епархіального управленія при м. Платонѣ; во-вторыхъ, онъ строится на данныхъ только архива Московской Консисторіи, изъ которыхъ далеко не всѣ использованы; и въ-третьихъ, даже по сознанию самого автора въ трудѣ дана собственно не исторія, а „только справка съ дѣлами Архива Консисторіи о Московскомъ епархіальномъ управленіи и, какъ въ первомъ опытѣ исторіи, излагаются преимущественно матеріалы для исторіи Московскаго епархіального управленія“; настоящая исторія Московскаго епархіального управленія еще впереди... сперва надобно собрать вполне матеріалы „или факты“. ¹⁾ Попытки общаго историческаго очерка дѣятельности Платона въ области Московскаго епархіального управленія досель еще нѣтъ.

Матеріалы, касающіяся административно-учебно-педагогической дѣятельности м. Платона въ предѣлахъ Московской епархіи были особо обследованы и изложены въ двухъ трудахъ С. К. Смирнова, касающихся исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и Троицкой семинаріи и рядѣ статей протоіерея А. А. Бѣляева. Но спеціального очерка этой отрасли изнедѣятельности м. Платона все еще нѣтъ.

Общій характеръ учебно-педагогической дѣятельности м. Платона превосходно изобразилъ знаменитый питомецъ Платоновской Виѣанской Семинаріи архіепископъ Амвросій Харьковскій въ надгробномъ словѣ надъ любимѣйшимъ ученикомъ Платона, архіеп. Евгеніемъ Казанцевымъ.

„Не напрасно воспитанники Платона, на нашихъ глазахъ одинъ за другимъ сходявшіе въ могилу, съ любовію вспоминали и его самого, и его время. Это было время живого и правильнаго движенія по пути духовнаго просвѣщенія, и самъ Платонъ былъ образцомъ истиннаго воспитателя. Это для насъ стало яснѣе, чѣмъ было для самихъ его воспитанниковъ, потому что мы на пути образованія испытали переходы и повороты, заставляющіе жалѣть объ этомъ времени. Не говоримъ о крѣпкомъ классическомъ образованіи, которое

¹⁾ Розановъ, стр. 5—6. М. 1869.

онъ такъ высоко цѣнилъ, которое впоследствии безъ жалости стерли съ лица земли, вмѣсто того, чтобы пополнять тѣмъ, чего ему не доставало, и теперь съ большими усилиями опять отыскиваютъ и устанавливаютъ, затрудняясь даже убѣдить большинство образованныхъ людей въ его важности и достоинствахъ. Въ особѣ и приемахъ митрополита Платона было нѣчто еще важнѣе этого. Къ нему можно отнести слова св. Апостола Павла: хотя у васъ и тысячи наставниковъ о Христѣ, но не много отцовъ. Дѣйствительно, отцевъ, какъ онъ, у насъ было не много, и весьма желательно, чтобы изъ его примѣра мы ясно поняли эту тонкую и весьма важную черту различія между наставникомъ и отцомъ, которую указываетъ Апостолъ.

Отецъ *рождаетъ благовѣствованіемъ*. Духомъ и силою собственной жизни, являемой въ словѣ и примѣрѣ, онъ возбуждаетъ или зажигаетъ жизнь сердца въ своемъ сынѣ, хотя и не принадлежащемъ ему по рожденію. Наставникъ поддерживаетъ готовую жизнь ученіемъ, наблюденіемъ, сохраненіемъ правилъ и порядка. Наставникъ стоитъ подъ вліяніемъ закона и долга, отецъ водится движеніями любви. Наставникъ ищетъ своей чести въ успѣхѣ ученика; отецъ страдаетъ отъ его малоуспѣшности, видя въ этомъ его собственное несчастіе. Наставникъ боится отвѣтственности, когда ученикъ не является къ извѣстному часу; отецъ боится, чтобы воспитанникъ, въ часъ свободы, не сдѣлалъ чего вреднаго для себя и не потерялъ чего добраго. Наставника уважаютъ, отца любятъ. Слово наставника принимается какъ слово науки, мудрости; слово отца—какъ священное завѣщаніе. Уроки наставника сливаются въ умѣ ученика въ одну сумму знанія, и въ ней смѣшиваются съ познаніями приобрѣтенными отъ другихъ; слова отца выдѣляются изъ всего и становятся руководящими въ жизни, любимыми изреченіями. Наставника оставляютъ съ сожалѣніемъ, съ отцомъ расстаются со слезами. Безъ сомнѣнія, и отецъ можетъ быть наставникомъ, и наставникъ можетъ имѣть свойства отца; но не отъ того ли у насъ такъ страдаетъ воспитаніе, что мы имѣемъ тысячи наставниковъ, но мало отцовъ? Не отъ того ли, что мы, имѣя множество училищъ, всевозможныя пособія, широкія программы наукъ, мало имѣемъ живыхъ людей, вліяющихъ на юношество отеческою искренностію, заботливостію, любовію,

долготерпѣніемъ, благожелательствомъ, а главное примѣромъ вѣры и добродѣтели? Не отъ того ли, что изъ множества учащихъ наиболѣе взрослые и, слѣдовательно, вполнѣ способные цѣнить достоинства и принимать внушенія отцовъ-воспитателей, совсѣмъ неизвѣстны имъ даже и по имени, ходять въ учебныя заведенія какъ въ чужой домъ, и складываются въ убѣжденіяхъ и правилахъ кому какъ пришлось.

Трогательно читать въ собственномъ дневникѣ преосвященнаго Евгенія выраженія его любви къ митрополиту Платону и описаніе отношеній Платона къ его воспитанникамъ. Школы Платона были его семьей, которую онъ любилъ посѣщать. Изъ множества учениковъ онъ узнавалъ даровитѣйшихъ, и изъ нихъ выбиралъ учителей. Учители становились его собесѣдниками и друзьями и здѣсь завязывалась та сердечная связь, по которой Платонъ совершенно овладѣвалъ своими питомцами, располагалъ ихъ силами и распоряжался ихъ судьбой, имѣя въ виду прежде всего и выше всего благо церкви. Онъ былъ причиной, что Андрей Казанцевъ (мірское имя архіеп. Евгенія) вступилъ въ монашество, какъ и многіе другіе воспитанники Платона, впоследствии знаменитые пастыри церкви. „Не безъ борьбы“, какъ писалъ самъ преосвященный, было избрано имъ иночество. Въ его время учебныя были рѣдки, духовныхъ воспитанниковъ охотно принимали на государственную службу и открывали имъ дорогу къ почетной и привольной жизни. Такого рода приглашеніе было причиной его борьбы. „Зачѣмъ же они шли въ монашество, когда чувствовали борьбу“, скажутъ многіе нынѣ. „Это значитъ итти противъ призванія. Это насиліе. Свои дарованія съ равной пользой они могли употребить и на государственной службѣ“. Въ этомъ-то и тайна воспитателя, приобретающаго права отца. Онъ дѣйствовалъ не властью и насиліемъ, а убѣжденіемъ, которому, по замѣчанію почившаго, трудно было противиться. Но важно то, что цѣлая половина силы этого убѣжденія скрывалась въ самихъ воспитанникахъ митрополита Платона. Они воспитывались не подъ руководствомъ науки о вѣрѣ, а самой вѣры, они не много изучали книгъ о Священномъ Писаніи, но глубоко знали самое Писаніе. Они читали въ подлинникахъ великихъ истолкователей Писанія, св. отцовъ; они изучали исторію церкви не по краткимъ,

сухимъ учебникамъ, а по первоначальнымъ живымъ памятникамъ и источникамъ. Духъ аскетизма жилъ въ сердцахъ ихъ, имъ отличались воспитанники Платона и въ бѣломъ духовенствѣ. Поэтому борьба въ выборѣ между свѣтскою жизнію и монашествомъ для нихъ принимала значеніе не противленія призванію, а просто искушенія слабой плоти и страстей, которое они преодолевали, и, принявъ трудный подвигъ, побѣдоносно его проходили. Поэтому долго и послѣ Платона, по силѣ той же вѣры и ревности о благѣ церкви, какъ бы по обязательному преданію, цвѣтъ дарованій изъ духовныхъ училищъ было охотно приносимъ на жертвенникъ иноческаго самоотверженія въ даръ церкви ¹⁾.

Воспроизвести картину этой выдающейся воспитательной дѣятельности, думаемъ, было бы важно и не въ научномъ лишь отношеніи.

Обслѣдованіе и освѣщеніе всѣхъ указанныхъ отдѣльныхъ сторонъ жизнедѣятельности м. Платона должно дать почву для научнаго построенія полной біографіи знаменитаго іерарха, освѣщающей всѣ стороны его могучей пастырской личности. Столѣтняя годовщина со дня кончины м. Платона должна быть ознаменована прежде всего трудами въ этомъ направленіи, попытками воссоздать доселѣ неполнѣ выяснившіяся, или, по крайней мѣрѣ, оживить въ общественномъ сознаніи полузабытыя черты историческаго облика великаго іерарха.

Самый день кончины м. Платона слѣдовало бы ознаменовать торжественнымъ поминовеніемъ м. Платона, по примѣру недавняго торжества въ память патр. Гермогена...

Центромъ торжествъ безусловно должна быть *Троице-Сергіева Лавра* съ исторически-связанными съ ней учрежденіями: Виѣанскимъ монастыремъ, Московской Духовной Академіей и Виѣанской Семинаріей.

Съ Троицкой Лаврой связана вся жизнь Платона. Вступивъ въ нее 21 года жизни, около 18 іюля 1758 года ²⁾, въ качествѣ учителя риторики Троицкой Семинаріи, онъ въ

¹⁾ Полное собраніе проповѣдей высокопреосвящ. архіеп. Амвросія бывшаго Харьковскаго. Т. I стр. 164—167. Изд. Совѣта Харьк. Епарх. ж. училища. Харьковъ 1902.

²⁾ Автобіографія, стр. 17.

томъ же году 14 августа принимаетъ въ ней постриженіе въ монашество и затѣмъ исправляетъ должность перводіакона ¹⁾; чрезъ годъ (1759) становится префектомъ семинаріи и учителемъ философіи и первымъ соборнымъ іеромонахом ²⁾, въ 1761 году—ректоромъ семинаріи, въ 1763—на-мѣстникомъ Лавры; наконецъ, съ іюля 1766 года ³⁾ и до конца жизни, въ продолженіи почти пятидесяти лѣтъ, ея архимандритомъ. „По самую смерть не было для него митѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста паче Лавры“ ⁴⁾. Сюда онъ всегда стремился душею и среди шумнаго блеска придворной жизни и среди скорбей и тревогъ епархіальнаго управленія, и со слезами отсюда выѣзжалъ, отправляясь время отъ времени, въ сѣверную столицу ⁵⁾. Здѣсь провелъ онъ преимущественно послѣдніе два десятка лѣтъ своей жизни ⁶⁾, и здѣсь совершенъ надъ нимъ чинъ погребенія. Здѣсь все носитъ слѣды его заботъ и трудовъ, начиная отъ вѣковой святыни русскаго народа—Троицкаго Собора, съ мощами великаго печальника русскои земли, и кончая мелкими пристройками ⁷⁾,—отъ главнѣйшихъ началъ ея жизненнаго строя и до отдѣльныхъ обычаевъ и порядковъ ⁸⁾. Печать могучаго духа незабвеннаго іерарха лежитъ здѣсь на всемъ вмѣстѣ съ печатью духа его великаго ученика—митрополита Филарета.—И гдѣ же, какъ не здѣсь, наиболѣе соотвѣтствующее мѣсто торжественнаго церковно-общественнаго поминовенія м. Платона?—*Визанскій монастырь съ Визанскою семинаріей* дѣтища горячей любви и самоотверженныхъ трудовъ послѣднихъ годовъ жизни и мѣсто упокоенія святителя.—*Московская Духовная Академія*—преемница жизни двухъ учрежденій, возвращенныхъ духомъ и многолѣтними трудами м. Платона,—Славяно-Греко-Латинской Академіи и Троицкой Семинаріи, въ зданіяхъ которой и нынѣ пребываетъ. Въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, мѣстѣ своего образованія, Пла-

1) Автобіографія, стр. 21.

2) Автобіографія, стр. 22—23.

3) Автобіографія, стр. 31.

4) Автобіографія, стр. 18.

5) Автобіографія, стр. 29.

6) Автобіографія, стр. 51.

7) См. Автобіографію, стр. 45—46, 70, 60—61, 74, 75 и друг.

8) Автобіографія, стр. 33; Снегиревъ „Жизнь Платона“ стр. 32 и др.

тонъ впервые пережилъ радость успѣховъ своего выдающагося проповѣдническаго таланта, настолько сильную, что, по собственному признанію, „никогда, можно сказать, во всю жизнь не былъ столько счастливъ... какъ при семь случаѣ“, и молва нарекла его „апостоломъ московскимъ“¹⁾. Время управленія Платона Академіею въ качествѣ ея „директора“²⁾ было періодомъ „самаго цвѣтущаго ея состоянія“. „Возвышеніемъ своимъ, своею славой она много обязана м. Платону, котораго имя тѣсно связано съ ея исторіею“³⁾.—Въ Троицкой Семинаріи прошла „весна лѣтъ Платоновыхъ“, о которой онъ „съ воздыханіемъ вспоминалъ“, какъ о времени „поистиннѣ райскомъ“⁴⁾. Семинарія Троицкая существовала 72 года. Но въ первые двадцать лѣтъ она по немногу лишь приготовлялась стать на ту высокую степень, на какую поставлена въ пятидесятилѣтнее управленіе ею Платона, ректора семинаріи, архимандрита Лавры и митрополита Московскаго. Время управленія Платона рѣзко отдѣляетъ два періода въ исторіи семинаріи⁵⁾. Ученому и нравственному вліянію Платона, которое не ослабѣвало почти до послѣднихъ дней его жизни, семинарія обязана всеѣмъ своимъ благосостояніемъ, по которому она шла въ уровень съ Московскою Академіею и даже иногда превышала ее. Въ особенности, начиная съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, когда Лавра и Визанія такъ крѣпко привязали къ себѣ сердце Платона, Платонъ болѣе заботился, болѣе любилъ ученое общество Троицкое, нежели Московское: въ отношеніяхъ Платона къ Академіи видимъ болѣе официальности, конечно, вынуждаемой требованіями столичной жизни, но въ отношеніяхъ своихъ къ Троицкой семинаріи Платонъ является во всей патріархальной простотѣ природнаго права, является какъ отецъ среди дѣтей, полагающій свое спокойствіе въ добромъ настроеніи ихъ ума и сердца, въ ихъ полномъ невозмутимомъ счастіи. „Множество его распоряженій относительно семинаріи, множество замѣтокъ, вылившихся изъ подъ

1) Автобіографія, стр. 15—16.

2) Автобіографія, стр. 42.

3) Смирновъ „Исторія Сл.-Гр.-Латинской Академіи“, стр. 255.

4) Автобіографія, стр. 23, 24.

5) Смирновъ, „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“, стр. 9.

его пера, показываютъ съ одной стороны, какъ широка и многообъемлюща была его дѣятельность по отношенію къ любимой имъ семинаріи, а съ другой—какъ нѣжна и искреня была его заботливость о ней“¹⁾.

Инициатива по подготовкѣ и организаціи торжества, равно и преимущественное въ немъ участіе, должны, по нашему мнѣнію, принадлежать *духовенству епархіи* во главѣ съ представителями центральныхъ органовъ московскаго епархіальнаго управленія и старѣйшими членами столичнаго духовенства, *питомцами Московской Академіи и Визанской семинаріи*. Для московскаго духовенства память м. Платона—не обычная рядовая память, это—*память отца московскаго духовенства*, равнаго которому исторія московскаго духовенства не знаетъ. Самъ м. Платонъ записалъ о себѣ въ своей Автобіографіи: „Зѣло ревностенъ былъ къ чести духовенства и церкви. Весьма чувствительно его оскорбляли, что по большей части духовенство находилось несправнымъ, и посему мало уважаемымъ или презираемымъ. Но усаждало и веселило его духъ, когда что открывалось къ славъ Церкви и къ чести духовнаго чина“²⁾. „Возвыситъ санъ духовный въ глазахъ народа возвышеніемъ духовнаго его нравственнаго достоинства, водвореніемъ вѣщнаго благочинія и порядка, ведущаго и къ внутреннему устройству,—было, по словамъ Снегирева, однимъ изъ главныхъ попеченій ревностнаго по вѣрѣ архипастыря, который по справедливости заслужилъ имя „отца московскаго духовенства“. Сравнивая прежнее состояніе духовенства, онъ тогда просто говаривалъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: „Я его засталъ въ лаптяхъ и обулъ въ сапоги и ввелъ въ залы къ господамъ“³⁾. Даже знаменитый ученый трудъ м. Платона—„Краткая Россійская церковная исторія“—обязанъ своимъ появленіемъ между прочимъ тому, что ревностный духъ великаго архипастыря, самоотверженнаго „отца духовенства“, не могъ спокойно переносить несправедливаго, враждебно-пристрастнаго отношенія къ Церкви и духовенству современнаго ему, такъ называемаго, передоваго общества. Такъ какъ эта отрицательная на-

¹⁾ Смирновъ, „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“, стр. 112—113.

²⁾ Стр. 85.

³⁾ „Жизнь Платона“, ч. I, стр. 45; ср. ч. II, стр. 105. Ср. Автобіографію, стр. 41—42.

строенность болѣе всего искала и находила себѣ оправданіе и выраженіе на исторической почвѣ, въ тенденціозномъ представленіи прошлой исторіи русскаго папства, то высоко-талантливый архипастырь для защиты церкви и духовенства и предпринялъ безпристрастное научно-историческое изслѣдованіе прошлыхъ судебъ отечественной церкви. Его духъ глубоко возмущался тенденціозностью модныхъ представителей тогдашней исторической науки. „Они,—печалуется м. Платонъ,—нѣкоторыхъ духовныхъ непорядки и погрѣшности или слишкомъ увеличиваютъ или изъ нихъ худыя выводятъ заключенія, какихъ связь Исторіи не утверждаетъ; или еще входя въ самую ихъ мысль, вредныя какія то имъ намѣренія приписываютъ, коихъ совсѣмъ не было: или древніе ихъ поступки, съ тогдашнимъ временемъ сходственные, представляютъ по образу мыслей и состоянію настоящаго времени,— что съ порядкомъ и истиною Исторіи никакъ не вмѣстительно. Что было, того переменить невозможно: и должно оно историкъ такъ представлять, какъ оно было, ибо было бы безразсудно, и несовѣстно, представлять, что аки бы за 500, 600, 700 и 800 лѣтъ такъ должны разсуждать и поступать, какъ нынѣ мудрствуютъ и поступаютъ: и будто все то было неосновательно или суевѣрно, или злонамѣренно, что нынѣ съ нововозникшимъ слишкомъ похваляемаго любомудрія мыслей образомъ несходственно. Срѣтаются же мѣста и такія, въ коихъ и самыя похвальныя Духовныхъ дѣянія перетолковываются въ худую сторону, и самой истинѣ дѣлается насиліе“¹⁾. При такомъ тенденціозномъ „пристрастномъ отношеніи“ нравственный историческій обликъ русскаго духовенства рисовался у модныхъ представителей науки самыми мрачными чертами. Въ противовѣсъ имъ архипастырь предпринялъ дать русскому обществу безпристрастно начертанный историческій обликъ отечественнаго духовенства, полный свѣтлыхъ чертъ. Ревностный „отецъ московскаго духовенства“, обувшій его изъ лаптей въ сапоги и введшій его въ гостинныя, въ своей исторіи попытался докончить свое великое дѣло: онъ хотѣлъ въ сознаніи образованнаго общества возвратити отечественному духовенству по справедливости принадлежащую послѣднему тому добрыхъ сыновъ отече-

¹⁾ Предисловіе, стр. IX, изд. 1805 г.

ства и истинныхъ христіанъ по вѣрѣ и жизни, а не враговъ родины и лицемѣровъ, какъ заявляли согласно тогдашнему образу мыслей либеральные историки, и затѣмъ ввести его передъ этимъ общественнымъ сознаніемъ въ кругъ авторитетныхъ руководителей общества. „Желалъ бы я,—резюмировалъ м. Платонъ результаты своихъ историческихъ изслѣдованій въ противовѣсъ нападкамъ антицерковнаго и антирелигіознаго либерализма,—на сей часъ не почитаться въ томъ званіи, въ каковомъ есмь, дабы мое мнѣніе не показалось быть пристрастнымъ, однако истиною убѣждаемый, не могу себя воздержать, чтобы Россійскому духовенству не дать похвальнаго и справедливаго свидѣтельства. При тогдашнемъ, подлинно недостаточномъ его просвѣщеніи, но въ вѣрѣ они были усердны, и по отечествѣ ревнительны; въ простотѣ своей, но давали назидательный примѣръ своимъ благимъ житіемъ. Бывшіе почти непрестанные въ Россіи мятежъ и междуусобія они, сколько можно, прекращали, и враждующихъ примиряли; а чтобы сами были тѣхъ мятежей вѣнкою, почти примѣровъ нѣтъ. Не отрицаю, что нѣкоторые изъ духовныхъ были, или житіемъ неблагочинны, или вмѣшиваясь въ другія дѣла, подавали случаи къ несогласіямъ; но таковыхъ было весьма малое число, и было бѣ обидно справедливости, чтобы нѣкоторыхъ, и то рѣдкихъ, непохвальныя поступки, могли послужить опорочиваніемъ всего впрочемъ благочиннаго и честнаго состоянія.—Ежели нѣкоторые изъ монашествующихъ находили способы пріобрѣтать, и то они наиболѣе употребляли на созданіе храмовъ Божіихъ и ихъ украшеніе, устроая огромныя обители зданія, что каждый, взирая на тѣ обители, признаеть быть истиною.—А ежели можетъ быть нѣкоторые были и лицемѣры, которые подъ видомъ святости входили въ сердца простодушныхъ и имѣли уловку такимъ образомъ испрашивать не малыя подаянія: и таковыя лицемѣры никакъ одобрены быть не заслуживаютъ, но они и всего общества никакъ опорочить не могутъ. Прибавьте къ сему, что и они поступки свои такъ размѣряли, что не дѣлали никакого никому насилія и принужденія, а потому и открытой обиды; а сіе несравненно есть сноснѣе, нежели тѣ грабежи, разоренія, сожженія градовъ, сель и полей, насилія, убійства и кровопролитія, коими по песча-

етію исторія Россійская исполнена“¹⁾.—Современники м. Платона свидѣтельствуютъ, что старанія его не остались безплодны. „Паче всего нравится благомыслящей публикѣ,—писалъ относительно „исторіи“ московскаго архипастыря ученый епископъ Калужскій Теофилактъ, имѣя конечно прежде всего вышеприведенныя слова,—что духовенство руссійское защищено неоспоримыми доводами, которые связуютъ языкъ самой злости“²⁾.

Затѣмъ, въ торжественномъ чествованіи памяти м. Платона должны принять участіе, кромѣ всего наличнаго состава Троице-Сергіевой Лавры, Виѣанскаго монастыря, Московской Академіи, Виѣанской семинаріи и представителей отъ младшей сестры послѣдней—Московской семинаріи,—а) представители духовнаго дѣтища м. Платона—такъ называемаго единовѣрія, а также всѣхъ основанныхъ или преобразованныхъ м. Платономъ духовныхъ училищъ (Звенигородскаго, Перервинскаго) и другихъ учрежденій Московской епархіи, в) представители Тверской и Калужской (входившей частью въ составъ Московской епархіи) епархій, находившихся подъ управленіемъ и воспріявшихъ немалую долю любви и трудовъ³⁾ м. Платона.

Къ сонму чествующихъ церковныя заслуги м. Платона должны примкнуть также представители культурныхъ и общественно-государственныхъ интересовъ.

Представители исторической науки должны почтить память талантливаго русскаго историка, положившаго начало систематической разработкѣ цѣлой отрасли исторической науки—русской церковной исторіи; представители интеллектуальной жизни русскаго общества—выдающуюся и оригинальную умственную силу⁴⁾ и жаркаго ревнителя просвѣ-

1) Предисловіе, стр. VI—VIII, изд. I-ое.

2) См. прот. А. А. Бѣляева „Отзывы современниковъ о Краткой Россійской церковной исторіи м. Платона“, Богосл. Вѣстн. 1895 г., июль, стр. 133—135.

3) См. Автобіографію, стр. 34—39.

4) Характерно замѣчаніе самого Платона о себѣ въ Автобіографіи: „Особенное было и отличительное отъ всѣхъ въ Платонѣ то, что мало находилъ оупъ людей, дабы съ ними однихъ былъ мыслей; но по большей части его понятія были выше другихъ; а была ли при томъ примѣсь пристрастія и самолюбія, о семъ судить единому Богу“. Стр. 81.

щенія и правильнаго воспитанія 1); выразителіи и ревдители этическаго сознанія русскаго общества—поразительно высокую и могучую нравственную личность, *свѣтлую душу* 2). Наконецъ, всякій носитель патріотическихъ чувствъ долженъ почтить память великаго русскаго патріота. По отзывамъ современниковъ, м. Платонъ „считался одною изъ главныхъ пружинъ государственнаго организма“ 3). Среди подвиговъ патріотическаго воодушевленія и самоотверженія години „великаго раззоренія“ да вспомнитъ русское общество и патріотизмъ семидесятилѣтняго совершенно обезсилившаго старца-архипастыря, ' благословившаго на брань императора Александра, нарочито прибывшаго въ столицу, чтобы въ самый день Бородинской битвы, съ крыльца Чудова монастыря, оплакивать съ народомъ вѣковую народную святыню накануне ея поруганія 4) и до послѣдней минуты жизни скорбѣвшаго глубокою національною скорбью русскаго народа 5)...

1) См. Надеждинъ, стр. 168—186.

2) Особенно интересна въ этомъ отношеніи статья Автобіографіи: „Характеръ м. Платона тѣлесный и душевный“. Стр. 81—86. Снегиревъ, Жизнь, ч. II, стр. 105.

3) См. Трегубова „Религіозный бытъ русскихъ и состояніе духовенства въ XVII в. по мемуарамъ иностранцевъ“. Стр. 207. Кіевъ 1884.

4) См. іером. Никифора „Изъ жизни руской церкви и духовенства въ 1812 году“. „За нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ Москву, изъ любимой своей Виваніи прибылъ въ нее маститый архипастырь Московскій Платонъ, какъ бы желая проститься съ нею. Носились слухи, что онъ хотѣлъ ѣхать на Бородинское поле, или на Поклонную гору чтобы благословить російское воинство на битву за Москву. Раскаиваютъ, что пріѣхавъ въ Чудовъ монастырь, онъ сѣлъ въ кресла, на входномъ крыльцѣ, опираясь на свой жезлъ, въ простой полурыскѣ,—и долго, долго, съ выступавшими слезами на глазахъ, задумчиво смотрѣлъ на Кремль. Это было его безмолвное прощаніе съ Москвою. Народъ толпился около него, подходя за благословеніямъ; осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, онъ говорилъ: простите, простите, спаси васъ Господи! Онъ хотѣлъ спокойно ожидать непріятелей въ Москвѣ, и едва-едва преосвящ. Августину удалось уговорить его отправиться въ Виванію. Оттуда, уже до занятія французами Москвы,—онъ былъ увезенъ въ Махрицкій монастырь. „Вотъ до чего я дожилъ“ говорилъ онъ тамъ. Господи! придоша язъцы и оскверниша достояніе Твое! Чт. Общ. Люб. Дух. просв. 1878 ч. I, стр. 272.

5) См. Снегирева „Жизнь“, стр. 23—59. Платову между прочимъ приписывается „мнѣніе о Тильзитскомъ мирѣ и умыслахъ Наполеона“. Тамъ же.

Да оживеть въ русскомъ сердцѣ дорогой обликъ славнаго „печальника о всей Русской землѣ“! ¹⁾

До дня юбилейной годовщины остается около полугода— время достаточное, чтобы приготовиться къ ея болѣе или менѣе достойному празднованію. Хотѣлось бы думать и вѣрить, что читатели памяти незабвеннаго іерарха и носители его духа, а за ними всѣ вообще люди нравственного долга не преминутъ потрудиться, чтобы наступающая юбилейная годовщина не прошла безслѣдно для русскаго церковно-общественнаго сознанія.

Платоникъ.

Московская Духовная Академія.

11 Мая 1912 г.

¹⁾ Снегиревъ, Жизнь, ч. II, стр. 23, 71.